

МАТЕРЯТСЯ ВСЕ?!!

18+

Роль драмы в истории
мировой цивилизации

ВЛАДИМИР ЖЕЛЬВИС

Научпоп Рунета

Владимир Жельвис

**Матерятся все?! Роль брани в
истории мировой цивилизации**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 81`276.2:008

ББК 81-67+71.05

Жельвис В. И.

Матерятся все?! Роль брани в истории мировой цивилизации /
В. И. Жельвис — «Издательство АСТ», 2022 — (Научпоп Рунета)

ISBN 978-5-17-146788-3

В мире нет ни одного народа, в языке которого не существовало бы бранных слов. Их даже сравнивают с вулканическими извержениями, вырывающимися наружу из-под коры общественных запретов. Вот такому необычному лексическому пласту и посвящена эта книга. Хочется разобраться, зачем упорно в обществе существует то, что то же самое общество и запрещает. Объект изучения в книге – не вся речевая деятельность человека, а преимущественно средства выражения человеческих эмоций. А одно из самых эмоциональных средств выражения – это бранные слова. Книга, которую вы держите в руках, основана на докторской диссертации её автора, но переписана им так, чтобы она была понятна даже не специалисту, а просто любителю русской словесности. Содержит нецензурную брань. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 81`276.2:008

ББК 81-67+71.05

ISBN 978-5-17-146788-3

© Жельвис В. И., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Инвектива	8
Выстрел в воздух	10
Запретить нельзя использовать	12
Ничто человеческое нам не чуждо	13
Ничто не вечно под луной	14
Чем можем, тем поможем	15
Приличное – неприличное	16
Всюду символы	18
В бой идут аскеты	20
Печальная история бога Приапа	22
Дискриминация низа	24
Священное + обыденное	25
Любовь свободна, мир чаруя	26
Табу бывают разные	27
«Выругался – и полегчало»	28
Когда зрителей не бывает	30
От святого к непристойному	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Жельвис

Матерятся все?! Роль брани в истории мировой цивилизации

© Владимир Жельвис, текст, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Владимир Ильич Жельвис – советский и российский психолингвист и антрополог, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Ярославского педагогического университета.

* * *

Изучение ругательств народа – хороший путь к познанию его святъинь.

Журналист и политический деятель

Григорий Ландау (1877–1941)

Беру на себя смелость утверждать: в мире нет ни одного народа, в языке которого не существовало бы бранных слов, которые в этой культуре считаются очень грубыми. В этом нет ничего удивительного: в мире есть любовь, но есть и ненависть, злоба, ярость, которая, даже будучи благородной, всё равно вскипает, как волна. Брань даже сравнивают с вулканическими извержениями, вырывающимися наружу из-под коры общественных запретов.

Для обслуживания всех этих ярких чувств существует целый арсенал слов и выражений. У этих слов есть одна особенность, которой нет у большинства других: их должны (!) знать буквально все члены коллектива. Ручаюсь, что нет ни одного русскоговорящего человека, который не знает мата. Про какой-нибудь там бином Ньютона он, в отличие от булгаковского Кота, может и не слышать, но уж мат он точно знает.

И в то же время соответствующий словарь запрещён к употреблению! Настаиваю: нет ни одного другого языкового слоя, который одновременно всем известен и всем запрещён к употреблению. И хорошо бы у одного какого-нибудь экзотического народа, так нет, у всего человечества.

Вот такому необычному слою и посвящена эта книга. Хочется разобраться, зачем упорно в обществе существует то, что то же самое общество и запрещает.

Да, самые грубые из этих слов звучат не слишком-то эстетично, но для интересующегося языками это не резон их игнорировать. Сравните: следователь по уголовным делам или врач-венеролог тоже ведь обычно имеет дело не с самыми ему приятными людьми, но кто будет отрицать полезность их деятельности.

Так и в филологии и культурологии. В нашем веке всё больший интерес приобретает изучение языка не самого по себе, а его бытование в говорящем коллективе. Иными словами, **нас больше интересует не речь человека сама по себе, а говорящий человек.** Речь рассматривается как ещё одна разновидность деятельности человека, его взаимоотношение с помощью речи с окружающим его миром, в том числе и с другими людьми.

В этой конкретной книге нас будет интересовать не вся речевая деятельность человека, а преимущественно средства выражения человеческих эмоций. А одно из самых эмоциональных средств выражения – это *бранные слова*.

И, что очень важно, каждый народ создал для себя свой собственный запас нужных для этого слов. Бывает, конечно, что то или иное словечко совпадает в двух культурах, но очень редко сила эмоции, выражаемая этим словом, точно такая же.

Бранных слов очень много, больше, чем слов, выражающих нежность, любовь, благодарность, ласку. Это понятно: то, что нас раздражает и злит, больше заметно, чем то, что успокаивает и радует. Соответственно для обозначения плохого нужно и больше слов. В результате человеческий язык в целом зол и агрессивен, требует осторожности в обращении, он опасен, как острый нож в руках ребёнка.

К сожалению, сегодня в нашей стране изучать бранную лексику практически запрещено: ревнители нравственности, а точнее, невежды и ханжи считают, что такие «низкие» слова изучения не заслуживают.

Правда, в течение недолгого времени этот запрет ослабевал, и в нашей стране, как давно за рубежом, появлялись статьи и целые книги, посвящённые этой прежде запретной теме. Часть из них носила сугубо научный характер, часть просто развлекательный. Книга, которую вы держите в руках, основана на докторской диссертации её автора, но переписана автором так, чтобы она была понятна даже не специалисту, а просто любителю русской словесности. Автор надеется, что, прочитав эту книгу, читатель задумается о судьбах и задачах родного языка, поймёт сложность и противоречивость языковой деятельности.

Меньше всего автору хотелось бы пропагандировать употребление бранных слов. Его задачей было показать сложность всей этой проблемы, убедить читателя, что раз такая проблема есть, её необходимо изучать.

Почему именно сейчас возникла необходимость в обсуждении этой темы? Дело в том, что в целом ряде стран, прежде всего европейских, именно сейчас идёт бурный процесс снятия многих этических запретов (табу). В частности, снимаются запреты и на произнесение некоторых «опасных» слов. Славянские народы в этом смысле немного задержались, но сейчас и у нас в ход пошли слова и выражения, ещё вчера находившиеся под полным запретом «в приличном обществе».

Отсюда вытекает необходимость как-то определиться. Сказать самим себе, как следует относиться к этому явлению. Часто можно слышать и читать яростные протесты против сквернословия, но это всё чисто эмоциональные всплески, аргументации мы практически не слышим. Так что пришло время для более взвешенного анализа. Он нужен рядовому читателю, но не меньше – специалистам, например социологам, юристам, конфликтологам, языковедам. Материалы такого анализа способны помочь изучать эмоциональную атмосферу в производственном коллективе, чтобы выбрать наиболее благоприятную тактику поведения, умело контролировать возникший конфликт.

Серьёзных лингвистов убеждать в этом не надо. Раз есть такой языковой пласт, значит, надо его изучать, как же иначе? Опять же чувство юмора здесь оказывается очень кстати. Вот какая запись появилась как-то в Интернете:

«Рассказывает Авдотья Смирнова:

«...Я застала потрясающую беседу двух великих старух. Одна – Надежда Януарьевна Рыкова, которая была великим переводчиком со старофранцузского и французского, ей мы обязаны классическим переводом «Опасных связей» Шодерло де Лакло, например. Ей было на тот момент года 92. Она жила в одной квартире с Софьей Викторовной Поляковой, выдающимся нашим византологом. Софья Викторовна была рядом с Надеждой Януарьевной молодуха.

И однажды я пришла к старухам и застала у них грандиозный скандал. Скандал был посвящён тому, какая часть речи слово «ху@к». Надежда Януарьевна утверждала, что это звукоподражание – бац и ху@к, это междометие и звукоподражание.

Софья Викторовна ей говорила: «Надя, вы выжили из ума, потому что это, безусловно, глагол! Он ей ху@к по голове!»

Вот это идеал старости!»

Нам надо попытаться преодолеть иные давно установившиеся стереотипы. Надо перестать воспринимать человека как стандартную функциональную единицу. Все мы разные, и выбор того или иного слова может характеризовать личность говорящего, обрисовать его внутренний мир, его идеалы и антипатии.

В ходе работы над этой книгой автор прочёл большое количество художественной литературы и научных работ на многих языках, опрашивал носителей множества языков. В результате он в принципе мог бы ругаться на европейских, азиатских, африканских языках, языках коренных народов Америки и так далее. Всеми этими языками автор, конечно же, не владеет, но при встрече с недружественным чужеземцем мог бы сказать ему несколько слов... Часть этого богатства читатель встретит в предлагаемой книге. Как ни старался автор по возможности избегать наиболее грубых примеров, сделать это ему в ряде случаев не удалось.

У классиков это иногда получалось. Вот как выходил из такого положения Гоголь в сцене, где мужик упоминает Плюшкина:

А! – заплатанный, заплатанный! – вскрикнул мужик. Было им прибавлено и существительное к слову заплатанный, очень удачное, но не употребительное в светском разговоре, а потому мы его пропустим. Впрочем, можно догадаться, что оно выражено было очень метко, потому что Чичиков, хотя мужик давно уже пропал из виду, и много уехали вперёд, однако ж всё ещё усмеялся, сидя в бричке. Выражается сильно русский народ!

К сожалению, последовать примеру Николая Васильевича в этой книге невозможно. Поэтому автор приносит извинения тем, кто совершенно не переносит грубой вульгарной брани и не желает её слышать и тем более видеть в напечатанном виде. Автор может лишь посоветовать им закрыть книгу на этой странице.

Инвектива

Для начала нам придётся познакомиться с некоторыми научными терминами, без которых просто нельзя обойтись. И первым таким термином будет «инвектива», от латинского «*invehor*» – «бросаюсь, нападаю, наезжаю». Согласно словарям, так называют резкое выступление против кого-нибудь или чего-нибудь, оскорбление или обличение оппонента, «наезд». Инвектива не обязательно представляет собой непристойное, неприличное слово. Как известно, задеть, обидеть человека можно без единого грубого слова, было бы желание. Кроме того, есть в нашем распоряжении слова, которые скорее относятся к грубо разговорным, а не непристойным, но которые в качестве инвективы тоже вполне годятся: ну, какие-нибудь там «девка», «гадина», «гнида», «сволочь» и многие другие. Поэтому будет правильно делить инвективы на инвективы в широком и узком смысле. Нас в дальнейшем будет интересовать прежде всего инвектива в узком смысле, которую мы определим как такой раздел нашего с вами словарного запаса, который, с одной стороны, не разрешён к использованию в нормальной ситуации, а в крайней своей части даже категорически запрещён, табуирован. Но с другой стороны, этот пласт должен быть известен всем носителям данного языка.

Качество, «убойная сила» таких инвектив могут быть очень разными. Представьте себе такую ленту, с одной стороны которой записаны слова, осуждаемые в абсолютном большинстве групп общества (субкультурах). Это инвективы в узком смысле. А с другого конца ленты – инвективы в широком смысле, слова, относительно приемлемые в некоторых ситуациях, например, «Глупец!». Между этими полюсами – неисчислимое количество всевозможных слов, тяготеющих то к одному, то к другому полюсу.

Есть и изощрённые способы только намекнуть на слова этого списка. Вот очень удачный пример. Поэту-сатирику XIX века Д. Д. Минаеву не понравилась на выставке картина «Сапожник». Используя бранное значение этого слова, поэт обругал художника, так сказать, описательно:

Сюжет по дарованью и по силам
Умея для картины выбирать,
Художник хорошо владеет... шилом, —
ТЬфу! – кистью – я хотел сказать!

Наш современник И. Иртенев для этой же цели избрал не называемое им слово «собака». Хотя, возможно, и «сукин сын». В стихотворении «Клеветнику» он разделяется со своим оппонентом так:

Тебе отпущено немного,
Так задирай, лови момент,
Свою завистливую ногу
На мой гранитный постамент!

Ну и, наконец, анекдот, в котором некий интеллигентный писатель отвечает набросившему на него грубияну:

«Я надеюсь, что когда вы сегодня вернётесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и вас как следует искоусает».

Вряд ли такой изящный вариант «сукина сына» произведёт большой эффект, но отказать ему в остроумии нельзя.

Однако распространённым приёмом такие вот «неинвективные инвективы» вряд ли когда-нибудь станут, они многословны и в действительно конфликтной ситуации обеим сторонам не до изысков, главное – как можно больнее ударить словом. Сказать «Твоя жена тебе изменяет!» – инвектива в широком смысле слова. Но итальянец, желая посильнее оскорбить, прибегнет к страшному слову «Cornuto!», означающему всего-навсего «рогоносец». Никогда, никогда не называйте так жителя Апеннинского полуострова, вы можете поплатиться жизнью. Перед вами явная инвектива в узком смысле, её смысл ещё и в утверждении, что вы не мужчина и, того хуже, все об этом знают.

Выстрел в воздух

Очень важно помнить, что чуть ли не у каждого слова в языке есть больше одного значения. Для нашей темы эта мысль очень важна. В самом деле: что означает восклицание «Блядь!»? Оно может относиться к распутной женщине, и тогда это непристойное название, так сказать, реального объекта. Так можно обозвать любую не понравившуюся вам женщину, и тогда это тяжёлое оскорбление, инвектива в узком смысле слова, за которое вам может не поздоровиться. Но это может быть просто выражение досады и боли человека, ударившего себя молотком по пальцу. Кого он тут обругал? Никого, он просто сознательно нарушил табу, сломал социальный запрет, произнёс то, что не принято произносить. *Именно потому, что это не принято произносить, он это произнёс.* Ему доставило облегчение нарушение общественного запрета. «Выругался – и полегчало». Кто-то в такой ситуации разобьёт тарелку, кто-то пнёт ни в чём не повинную кошку – это уж в зависимости от его воспитанности и интеллекта – а кто-то от души выругается, и необязательно одним этим словом.

К этому слою относится то, что можно назвать «детонирующими запятыми», ничего не означающими грубыми словами, придающими, однако, речи говорящего своеобразный колорит. К ним обычно прибегают люди, словарный запас которых очень ограничен и бесцветен. Им очень хочется, чтобы их речь была ярко эмоциональной, но для этого надо знать много синонимов, слов, обладающих похожим значением, но с разными оттенками. Гораздо проще добавлять в речь через слово эмоционально нагруженную непристойность, создающую ощущение напряжённости и выразительности: «Я, блядь, иду вчера, блядь, по улице и вижу, блядь, идёт, блядь, мой кореш...»

Что побуждает человека обращаться к таким вот «детонирующим занятым?» Это может быть простая импульсивность человека, привыкшего открыто выражать свои эмоции, отсутствие самоконтроля, изменение сознания под влиянием алкоголя, слабая религиозность, умственное расстройство, даже тревожность за своё сексуальное здоровье.

Обратите внимание на последнее обстоятельство: сексуально полноценный человек, как правило, не задумывается о «таких» вопросах и, соответственно, о них вслух не упоминает.

Впрочем, есть ещё одна очень распространённая причина обращения к такому словарю в обыденной, не слишком эмоционально насыщенной речи. Это сквернословие как средство демонстрации своей принадлежности к определённой подгруппе. Так сказать, по принципу Маугли, помните: «Мы одной крови, вы и я!» Яркий пример из рассказа В. Крупина:

Они разложили маленький огонь от комаров, вывалили на газету разваренную рыбу. По кругу гулял родимый гранёный. Говорили они, употребляя в десятках вариантов одно и то же слово. Меня они застеснялись, но я употребил ещё один вариант этого же слова и стал как бы свой.

Или военные воспоминания в газетном очерке:

И тут нас выручил один пожилой солдат, который спустился к самому берегу реки и принялся крыть часового отборными словечками. Только тогда часовой по-настоящему поверил, что на другом берегу свои.

Это свойство сквернословия было особенно востребовано в первые годы советской власти, когда надо было противопоставить восставшие малообразованные народные массы интеллигентам, дворянам, священникам, словом, «буржуйам», в спокойной ситуации предпочитавшим, по возможности, обходиться без мата. Если человек не умел материться или избегал это делать – он «чуждый элемент» «Свои» опознавались по степени искусства и частоты использования бранного словарного запаса.

Другое дело, что и «чуждый элемент» мог при случае «выразиться». Об этом мы ещё поговорим.

Запретить нельзя использовать

Поговорим подробнее об одном из ключевых понятий нашей темы – так называемом табу. Это социальные коммуникативные запреты. Выживание любого человеческого общества держится на соблюдении ряда таких запретов. Запреты эти выработаны опытом тысячелетий совместной жизни людей. Яркий пример – библейские заповеди: нельзя убивать, нельзя красть, нельзя покушаться на чужую собственность и так далее. Есть и более мелкие правила, запрещающие, например, входить без разрешения в чужое жилище, выражать неуважение чужим святыням и тому подобное. Какие-то из этих запретов соблюдаются очень строго, за их нарушение можно поплатиться свободой или жизнью, к каким-то отношениям более снисходительное. Некоторые из них могут показаться обременительными, кажется, что они осложняют жизнь, но на самом деле без них не обойтись: они помогают сплочению данного коллектива, помогают избежать трений и так далее.

Соблюдению таких запретов нас учат, что называется, с младых ногтей. Нельзя на виду отправлять естественные потребности, необходимо уважать старших по возрасту и положению, запрещается употреблять в «приличном обществе» определённые слова и выражения, задавать малознакомым людям интимные вопросы и тому подобное.

Число таких запретов очень велико, но для темы настоящей книги особенно важно, что большое число их группируется вокруг идеи человеческого «верха», ассоциирующегося с духовностью, и человеческого «низа», символизирующего материальное, «земное» начало.

Другими словами, в значительной степени наша деятельность контролируется табу. Во-первых, табу на упоминание священных понятий. То есть осуждается упоминание «всё», без особой необходимости, самых священных имён – названий божества, основных религиозных и общечеловеческих святынь и тому подобное. Ниже об этом будет сказано подробнее. Нарушение этого табу называется кощунством или богохульством.

Во-вторых, не одобряется публичное упоминание слов, обозначающих человеческие органы, имеющие отношение к деторождению и выделению отходов жизнедеятельности. Но ведь органы эти существуют! Иногда упоминание этих объектов даже жизненно необходимо (например, в кабинете врача). Как тут быть?

В результате обществу приходится прибегать к иносказаниям, детскому языку, сугубо медицинским терминам и тому подобное. Прямое бесцеремонное название здесь считается исключительно грубым, осуждаемым даже законодательно. В русскоязычных словарях такие слова или не приводятся вовсе, или сопровождаются специальными пометами вроде «бран.», «вульг.», «груб.», «неценз.», «пренебр.» и другие подобные. Вспомним известную шутку, где человек возмущается «несправедливостью». Ему, видите ли, запрещают употреблять некое слово: «Как это так: жопа есть, а слова нет!»

То есть, как видим, обе разновидности табу подозрительно похожи: упоминание имени божества в молитве не только одобряется, но и приветствуется, но в быту, в ссоре или бытовом разговоре категорически запрещается. В отношении же человеческого «низа» придуманы отдельные слова для того же самого предмета: для разговора с врачом или ребёнком, с одной стороны и для бытового общения – с другой. Первые допускаются, вторые запрещаются.

Сходство здесь отнюдь не случайное. Давайте разберёмся в самом принципе табу.

Ничто человеческое нам не чуждо

Всё-таки почему люди испокон веку запрещали себе определённые вещи? Одно из объяснений – это страх человека перед таинственными тёмными силами. Ещё в первобытные времена люди верили, что, например, упоминание имени мёртвого человека в адрес живого могло привести к смерти этого последнего. Поэтому такое имя категорически запрещалось произносить. Говорят, что дети и сегодня могут верить, что если назвать человека «говном», он в это самое и превратится. То есть слово как бы имеет магический смысл, оружие нанесения вреда. Поэтому научиться владеть такими словами означает приобрести власть над окружающим миром. Есть сведения, что не так уж давно в России крестьяне специально обучали детей «таким словам».

О том, что слово якобы может иметь магический смысл, говорят обычаи племён, задержавшихся на первобытной стадии развития. У племени тонга в Полинезии существует специальный язык «капе-капе», содержащий слова, в буквальном переводе соответствующие непристойностям в европейских языках. Так вот, на тайных, исключительно мужских вечеринках он считается обязательным! Но в официальной обстановке, например, в стенах правительственного учреждения, он строжайше запрещён.

Сила табу бывает разная: какие-то из них надо соблюдать чуть ли не под страхом смертной казни, на нарушение других общество смотрит довольно снисходительно. Отсюда ясно, что ощущения человека, нарушающего табу, тоже будут разные: чем сильнее табу, тем сильнее соответствующая эмоция. Попросту говоря, воскликнуть «Чёрт побери!» или выматериться означает выпустить наружу разные по силе ощущения.

Отсюда историчность некоторых табу. В Средние века в Европе больше всего осуждалось богохульство, прежде всего – клятвы Телом Господним и различными Его частями, ибо все были уверены, что богохульнику грозит за это обречение на вечные адские муки. Поэтому нарушать такой запрет было делом весьма рискованным, и сам сквернослов это тоже хорошо сознавал. Правда, сознавал и... тем не менее сквернословил!

Общество было в этом отношении особенно безжалостным. Первые наказания в Европе за нарушение словесных табу были наказаниями именно за богохульство, например, за поношение Мадонны. За них могли вырвать язык, бить шомполами и тому подобное. Позже, с уменьшением роли религиозности в цивилизованном обществе, сквернословие стало более «светским», и наказания были автоматически перенесены на пользующихся новыми слоями оскорбительной лексики. Теперь одно из ведущих мест закрепилось за табу на вопросы интимной жизни человека и телесной нечистоты, которые до этого мало или совсем не табуировались. Общеизвестно, что первобытный человек, находившийся к природе гораздо ближе нас с вами, не знал стыда в современном понимании слова и, следовательно, не мог выделять какие-то особые «стыдные» части тела. А уж о физической чистоте, о гигиене, как мы её сейчас воспринимаем, не могло быть и речи.

Но вот сегодня у немцев соблюдение телесной чистоты – чуть ли не религиозное понятие. Поэтому, как мы ещё увидим, самые сильные оскорбления у них – обвинения в нечистоплотности. Зачем им материться, если «Ты – грязная свинья!» вызывает такой же оскорбительный эффект!

А у чукчей и эскимосов точно так же можно оскорбить словами «Ты неумёха!». Северные народы живут на грани выживания человека, и тот, кто не умеет выполнять определённые житейские операции, сам обречён на гибель или может погубить другого человека. Если охотник попал в полынью, вымок, пришёл домой, а у жены нет во что его переодеть, он может назвать жену неумёхой, и это будет очень тяжёлое оскорбление. Смысл «неумёхи», по-видимому, здесь сводится к «Чтоб ты сдохла!».

Ничто не вечно под луной

Но дело не ограничивалось спокойным отношением к вещам, которые мы сейчас воспринимаем исключительно эмоционально. Совершенно свободные отношения полов могли рассматриваться как в высшей степени высокоморальные. Ни о какой «безнравственности» говорить было нельзя. Правильнее говоря, нравственность тогда тоже имела место, только нравственность существенно отличная от современной. Для человека, выросшего в условиях первобытных культов, многочисленные понятия, связанные со смертью и рождением, а значит – едой, питьём, отправлением естественных потребностей, совокуплением, зачатием, родами и так далее. Суть лишь явления одной непрерывной цепи *священных* событий.

Особое место во всех древних верованиях занимают так называемые фаллические культы, связанные с почитанием богов плодородия. Слово «фаллический» образовано от слова «фаллос», или «фаллус», или просто «фалл», а это мужской половой орган в возбуждённом состоянии. Надо ли пояснять, что этот орган уж никак не считался чем-то неприличным, стыдным, наоборот, он повсеместно служил символом физического благополучия, процветания рода, всего живого.

Те или иные следы этих культов обнаруживаются не только в Европе, но и в религиях Японии, Китая, Индии, Тибета, Египта, североамериканских индейцев, Мексики, Центральной и Южной Америки, Африки. Индийский бог Шива носит научное название Deus Phallicus, то есть фаллическое божество. Тесно связанными с фаллическими культами были культы Осириса в Египте, Адониса в Финикии, Диониса в Греции. Всем, хоть немного знакомым с историей Древнего мира, эти имена известны, но все ли знают, с чем они ассоциировались, что называется, на полном серьёзе?

Изображения дионисийских фаллических торжеств часты на древних вазах. Подобные изображения, появившись они на современных предметах, были бы безоговорочно признаны порнографическими. Герой одной пьесы Аристофана поёт гимн фаллосу в честь Диониса. Нечто похожее встречалось у шумеров: название гимна «дифирамб» возводится некоторыми учёными к шумерскому слову, означающему «песнь, возбуждающая мужской орган». В Риме существовала специальная церемония «фаллофория», когда по улицам проносили многометровые изображения фаллоса. Известны соответствующие изображения фаллоса в Александрии (52 метра) и в Финикии (два изображения по 48 метров). В древней Этрурии такие изображения ставили вертикально на месте погребения как символы бессмертия души. Позже натуралистические изображения были заменены обелисками – с тем же значением. А теперь, надо надеяться, никто не думает о сексе при виде какой-нибудь художественно выполненной стелы.

Чем можем, тем поможем

Одной из особенностей нравственности древнего человека было убеждение, что от него требуется посильная помощь в деле творения. Такая помощь рассматривалась как величайшая миссия, наиболее значительное деяние индивида, священный (сакральный) акт.

Возможен и чуть иной, более спокойный взгляд. Согласно одной из самых ранних древнеиндийских философских систем, человек обладает десятью внешними органами: пятью общеизвестными органами восприятия и пятью «органами действия»: это рот, руки, ноги, орган выделения и орган размножения. Как видим, органы, которые послужили основой для возникновения современных наиболее неприличных слов, спокойно перечисляются наряду с руками и ногами.

Рот и нос занимают в этом списке промежуточное положение, так как в ряде культур (например, мусульманских, требующих ношение масок (паранджа, чадра, хиджаб и другие подобные), закрывающих лицо (прежде всего женское), они рассматриваются ближе к «неприличным» отверстиям человеческого тела.

Приличное – неприличное

Из сказанного очевидно, что названия того, что сегодня кажется стыдным, неприличным, в своё время явно такими не были и назывались свободно в любой ситуации. Такие слова звучали нейтрально или даже торжественно.

В этой связи отметим одну распространённую ошибку исследователей древних культур: они невольно смотрят на давние обычаи с позиции человека нашего времени. Например, некоторые древние торжественные ритуалы сегодня именуется «храмовая проституция», «оргия», «вакханалия», что заставляет их понимать в резко отрицательном смысле. Между тем очевидно, что те же оргии, с одной стороны, и ритуальные воздержания – с другой представляли собой всего лишь два противоположные средства для достижения одной и той же священной цели – зачать вместе с природой или вместе с природой сохранить силы для воспроизводства в дальнейшем. Другими словами, оргии – столь же достойное действие, что и воздержание, против которого, однако, ни один моралист как будто бы ещё не выступал.

В Италии фаллические культы пережили период христианизации и возродились уже в Средние века в виде так называемых мистерий, спектаклей, где, однако, эти культы уже выглядят как праздник адовых сил. То есть культ остался, но сменил «плюс» на «минус».

А как тут у нас? Оказывается, и в Древней Руси происходило что-то похожее. Естественно, что при таком раскладе, взгляде на деторождение как на священный акт, названия детородных органов и совокупления никак не могли осуждаться и запрещаться. Поэтому дошедшие до нас их древние обозначения имеют совершенно невинное происхождение: слово «хуй» образовано от слова со значением «хвоя», то есть что-то колкое. Кстати в английском – то же самое – одно из названий мужского органа – «prick», производное от глагола «to prick» (колоть, укалывать). Русское «пизда» – от «пИсать», «ебать» – от «бить», «ударять». Русское современное «трахать» образовано по тому же принципу и тоже звучит довольно приемлемо. Так что традиция сохраняется!

Само слово «мат» возводится рядом учёных не к понятию матери, а громкому крику – сравните «кричать благим матом». Есть ещё мнение, уводящее корень «мат» к арабскому языку, где есть корень «мтт» «тянуть», от которого «маттат» – «сильно ругать». Так полагает Н. Н. Вашкевич в «Системных языках мозга». Такая трактовка позволяет относить к мату не только выражения, включающие «мать», но и другие самые грубые слова и сочетания.

Другие учёные (например, В. И. Зазыкин), напротив, полагают, что слова «мат» и «матерщина» восходят к периоду матриархата, когда эта самая матерщина и возникла. Первоначально под словом «мать», считает Зазыкин, имелась в виду глава рода, матриарх. В этой связи вспомним, что в мате слово «отец» используется очень редко.

Так что едва ли не все нынешние неприличные слова в древности совсем неприличными не считались. Это видно ещё и из пришедших к нам из тьмы веков географических названий.

Одна небольшая речка называлась когда-то Пиздомбй, надо полагать, она была популярна у женщин. Исследователь В. Д. Назаров перечисляет русские географические названия XV–XVI веков, среди которых обнаружили речки Блядея, Еботенка, Наебуха и Ненаебуха, целая волость Елда, пустоши Пердилово, Пердухино, Пердунова, Хуярово, Пиздино, деревни Пердуново, Пизденково, Пиздюрино, Хуйково и так далее. Насмешка? Вряд ли. Надо думать, жители сих мест вряд ли обижались на такие названия и спокойно соглашались называть себя какими-нибудь пердуновцами или хуйковцами.

Конечно, с изменением этических воззрений изменилось и отношение к таким словам, «стыдные» названия ушли. Но кое-какие соответствующие обычаи остались, хотя, как правило, соблюдающие эти обычаи не ведали, что творили. Просто соблюдали традиции.

Ещё в XX веке кое-где сохранялся древний крестьянский обычай катать священника по земле в процессе молебна о плодородии. Этнографы связывают этот обычай с древним языческим обрядом совокупления жреца с матерью-землёй. Ещё дольше продержался обычай сеять репу ночью и непременно в обнажённом виде.

Вот интересный текст, найденный в Интернете. По-видимому, это какая-то покаянная молитва. Орфография изменена на современную:

Во осуждении всех человек погибаю, окаянный, и мняся нечто быти,
прямое говно, а кал и гной есмь, отовсюду воняю, душою и телом.

Как видим, автор как-то различает кал и говно, признаёт за тем и за другим вонь, но, вероятно, только «говну» придаёт инвективное значение.

Из сказанного очевидно, что распространённое мнение, будто вежливым и обходительным русским мат принесли грубые и невоспитанные татаро-монголы, никакой критики не выдерживает.

Всюду символы

В народном сознании фаллические культы долгое время сохранялись и в виде огромного количества предметов или животных, считавшихся мужскими или женскими символами, то есть как-то напоминающими явные половые признаки. Вот примеры мужских символов, характерных для разных стран: высокие камни, пальма, сосна, дуб, фиговое дерево, плющ (благодаря тройной форме листа), мандрагора (благодаря форме корня, напоминающего человеческое тело), большой палец, вообще любой палец – символ древних божеств Вела, Ашера или Махадева. Гриб, рыло свиньи или черепаха (её голова) до сих пор мыслятся японцами как фаллические символы.

Женские символы не менее разнообразны. Это могли быть дырка в земле, расщелина в скале, глубокая пещера, миртовое дерево (благодаря форме листа), дельфин или лобан (по издаваемому крику), бобы, персики, вообще любой тёмный уголок, затемнённый густыми кустами. В античные времена в некоторых странах соответствующие изображения носили на своей одежде. А простые крестьяне в Италии носят их до сих пор.

Есть и символы союза полов: меч и ножны, стрела и цель, копьё и щит, плуг и борозда, лопата и канава, столп у источника и многое другое.

Вот как озорно обыгрывается ещё одно такое сочетание в древнерусской былине о Ставре Годиновиче. Вариант этой былины приводит знаменитый филолог Б. А. Успенский. По ходу былины жена переделалась богатырём, «грозным посланцем Васильюшкой», да так удачно, что её не узнаёт её собственный муж. Жена подаёт ему такой вот «тонкий» намёк:

А не помнишь ли, Ставер да сын Годинович
А мы с тобою свечечкой поигрывали,
А моё было колечко золочёное,
Твоя-то была свечечка серебряна,
Ты попадывал всегда всегда,
А я попадывал тогда сегды?

Правда, бестолковый муж всё равно не понимает нескромного намёка, и мнимому Васильюшке приходится прибегнуть к последнему, самому убедительному средству:

Тут грозен посол Васильюшко
Вздыхал свои платья по самый пуп:
И вот молодой Ставер сын Годинович
Признал кольцо позолоченное.

Начало христианской эры не сразу положило конец фаллическим культам и оргиастическим празднествам. В частности, пережили они и утверждение христианства императором Константином. В Средние века культ фаллоса был ещё распространён по всей Западной Европе. Это видно из целого ряда церковных запретов таких культов. Понятно, что раз такие запреты многократно повторялись, значит, было что запрещать. А запрещали их даже по XIV век. То есть мы видим, что, с одной стороны, церковная верхушка уже эти культы запрещает, но с другой – они всё ещё занимают достаточно заметное место в духовной жизни Европы.

Это видно и из различных фаллических интерпретаций. Известно, что крест как религиозный символ появился задолго до христианских времён. Согласно же одной из христианских трактовок, вертикальная линия изображает мужское начало, горизонтальная – женское.

Перекрещиваясь, они образуют Эрос – как его понимали платоники и фрейдисты, то есть как стремление к единению, плодородию, благосостоянию жизни.

Имеются и соответствующие интерпретации понятия Троицы. Возводят к фаллическому культу также Т-образный крест, который в дохристианские времена выражал идею созидания и возрождения. Принятие христианской церковью креста как символа спасения было очень удачным жестом, который облегчал усвоение этого символа верующими.

Встречаются также попытки возвести к тому же древнему культу изображения различных плодов – символов плодородия, змею, рыбу, крест на полумесяце, мальтийский крест, королевскую лилию, глаз, колонны и их капители, иудейскую шестиконечную звезду и многие другие. Существует много доказательств, что христианские (иудейские) образы не отличаются принципиально в этом плане от образов, принятых в других религиях.

Кстати, утверждают даже, что пресловутый змей якобы предлагал Еве вовсе не яблоко, а гранат, всегда являвшийся символом плодородия...

В бой идут аскеты

Однако наряду с подобным почтительным и даже священным отношением к производительному циклу в мире развивается и противоположная тенденция. Обратите внимание: эти две тенденции не резко сменяют друг друга, а уже в недрах древнего общества зреет аскетическая оценка взаимоотношения полов. В греческой философии она заметна уже во времена жизнерадостных фаллических дионисийских культов. И медленно, но верно всё жёстче проявляется аскетическая линия.

Постепенно те же греки всё более категорически отделяют «плоть» от «духа», отдавая предпочтение началу духовному. Телесный низ начинает мыслиться как нечто менее ценное, буквально «низшее» начало. Телесные функции этически подчиняются функциям духовным. Плотские радости рассматриваются как «загрязнение».

Подвергаются осуждению даже эротические сны. Дионисийские культы теперь категорически отвергаются. В Древнем Риме сенат выносит смертные приговоры поклонникам вакханалий, чьи алтари разоряются. Больше того, осуждаются невинные слова, если они своим звучанием всего лишь напоминают части человеческого низа.

И уж конечно, неприличными по самой своей природе объявляются сами эти части. Сам Цицерон оправдывал такое отношение тем, что природа даже поместила соответствующие органы в скрытом месте.

До тех пор искусство мимов использовалось как раз для того, чтобы повеселить публику за счёт обыгрывания интимных частей тела и соответствующих действий. Теперь именно это искусство стало вызывать негодование ревнителей нравственности. Русские скоморохи, активно использовавшие в своих спектаклях «солёные» шутки, подвергались безжалостным гонениям или убивались. Но как-то умудрялись выживать и потешать зрителей.

Такая борьба шла долгое время, и ещё века в Римской империи сосуществовали жизнерадостное язычество и аскетизм. Но в конце концов утверждающееся христианство возвело жёсткое неприятие фаллических культов на уровень всенародной и единственно допустимой этики.

Вот и древнерусские языческие обряды обильно использовали матерщину. А пришедшая на смену язычеству христианская церковь объявила их бесовскими и связывала с нечистой силой. В народном сознании установилось мнение, что если вы хотите вызвать чёрта, надо было ему свистнуть, а чтобы от него избавиться – его выматерить. То есть свист и мат считались бесовским языком. Матом, видите ли, разговаривали бесы. Поэтому и материться означало всё равно что беседовать с нечистой силой.

Но избавиться от присутствия бесов можно было как матом, так и с помощью молитвы и крестного знамения. Вот так и возникла парадоксальная пара – богохульство, нечистая божба благополучно уживалась с молитвой. Одно другому не мешало, даже наоборот: ведь считалось, что болезни на нас насылает нечистая сила, а значит, именно с ней надо как-то договориться, чтобы излечиться. И бесовский язык как нельзя лучше для этого годился.

Но шло время, связь нечистой силы с матерным языком ослабла. Ряд учёных считает, что так и появилась «безадресная ругань», «в воздух». Люди забыли, что когда-то они адресовали мат дьяволу, но яркая эмоциональная сила мата свою популярность сохранила. Тем более что в таком виде мат всё-таки частично потерял свою обидность. Долгое время безадресный мат среди мужчин вообще не порицался.

Правда, церковь не отступала. Матерщинник – это язычник, он не признавался христианином. Матерясь, он оскорбляет мать сыру землю, собственную мать и Богородицу. За мат можно отлучить от церкви, с выругавшимся матом нельзя садиться за стол. Такому человеку Богородица отказывает в своём покровительстве.

Следует ли удивляться, что с наступлением «безбожных» большевистских времён именно мат стал знаменем богоборцев. Мат не просто процветал, он служил доказательством вашей лояльности пришедшей атеистической власти. Он укоренился настолько, что даже с некоторым оживлением православия его распространение никуда не делось. Сегодня сотнями строятся новые церкви, но мата в нашей речи меньше не становится.

Печальная история бога Приапа

В результате такой борьбы нравов возникают явления, иногда даже противоположные ожидаемым. Примерно с 300 года н. э. высшая точка древнехристианского аскетизма совпадает с колоссальным развитием половой распущенности. Возникает своеобразная двойственность восприятия определённых явлений, когда в одну и ту же эпоху на одном и том же (европейском) пространстве крайняя степень половой свободы сосуществовала с призывами к аскетизму, умерщвлению плоти, характерными для отцов христианской церкви. В храмах без конца осуждали разврат, а в средневековом Лондоне на одной маленькой улочке стояло несколько десятков публичных домов!

Особенно наглядно это переосмысление прослеживается на развитии образа Приапа. Древнегреческое божество по имени Приап, у которого были аналоги и в других религиях, олицетворял творческую, созидательную силу Природы. А чтобы подчеркнуть эту его задачу, Приапу придавался огромный фаллос. У скульптурных изображений Приапа фаллос мог даже отсоединяться, его можно было носить на специальных древках во время фаллических празднеств.

Предполагается, что в период его наибольшей славы сам Приап и его орган могли выполнять ещё одну важную задачу: служить в качестве оберега от сглаза и злых духов. Фактически, как видим, перед нами тот же мат, только в виде материального объекта.

Однако одновременно – и такой период выглядит довольно естественно – Приап мог играть роль оберега и от прожорливых вредителей – птиц, с каковой целью его изображения выставлялись в садах и огородах. Другими словами, он попросту выполнял роль современного пугала, хотя и с другим внутренним содержанием. Употребляясь как средство от сглаза, порчи, то есть как амулет, он постепенно превращался в пугающего демона, чему содействовала уменьшающаяся слава древних богов вообще. В общем, священное всё больше вытеснялось обыденным, пугающее божество всё больше походило на простое пугало.

Кстати, исследователи предполагают, что современная фи́га, кукиш происходит именно из той эпохи: сложенные в виде кукиша пальцы интерпретируются как мужской орган в пугающей роли. Кукиш мог служить оберегом от нечистой силы. С тех пор и осталась сопровождающая фигу́ фраза: «А это ты видел?»

Вот так боги и феи отмирающих религий постепенно превращаются в дьяволов и ведьм пришедшего на смену им христианства, а священные ритуалы перерастают в запретные шабашки. Теперь даже самое обычное упоминание чего-либо, связанного с фаллическими культами, зазвучало как непристойность.

Из соображений благопристойности цензуре подвергались даже переводы из Библии. Вот отрывок из книги Исхода (32: 6–7):

На другой день они встали рано и принесли всесожжения, и принесли жертвы мирные: и сел народ есть и пить, а после встал играть. И сказал Господь Моисею: поспеши сойти (отсюда); ибо развратился народ твой, который ты вывел из земли Египетской.

Не правда ли, это событие выглядит странно: почему Господь разгневался на то, что люди стали «играть»? Специалисты объясняют нам, что в подлиннике имелось в виду не «играть» в современном смысле слова, а «вступать в интимные отношения», то есть предаваться оргиям, что было обычным актом, завершающим жертвоприношение в процессе фаллических церемоний. Другими словами, народ израилев на какое-то время вернулся к исполнению языческих обрядов.

Наглядным примером усилий христианской церкви по дискредитации язычества являются иллюстрации к Хлудовской Псалтыри (книга издана в Греции в IX веке). Изображения древних языческих божеств прочно связываются здесь с адом, грешниками, религиозными противниками и тому подобными. Так, изображение Силена, наставника и спутника Диониса, олицетворяет ад. В других рисунках осуждается языческий праздник Весенние Дионисии, кстати, сохранившийся кое-где до X века.

Как справедливо указывал наш знаменитый культуролог Юрий Михайлович Лотман:

Мир нечистой силы – мир, по отношению к обыденному, перевёрнутый, а поскольку свадебный обряд во многом копирует в зеркально перевёрнутом виде обряд похоронный, то в колдовском гадании жених часто оказывается подменённым мертвецом или чёртом.

Таким образом, в противопоставлении «Бог – дьявол» уже по самой своей природе заложена возможность их ритуального взаимообмена. Запомним эту мысль, она пригодится нам в дальнейшем.

Дискриминация низа

Для целей настоящего изложения процесс «дискриминации язычества» важен не сам по себе, а прежде всего в той мере, в какой он связан с дискриминацией всего, имеющего отношение к человеческому низу и соответствующей системе названий.

Сам же факт такой дискриминации сомнений не вызывает. В послании апостола Павла Галатам среди наиболее предосудительных «дел плоти» перечисляются в числе первых различные грехи интимных отношений:

[...] прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство. [...] Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют (Гал. 5: 19–21).

Вступление в брак объявлялось, правда, делом, угодным Богу. Вместе с тем состояние безбрачия полагалось более высоким:

...Хорошо человеку не касаться женщины. Но во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. [...] Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я... Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как и я [...] Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться (1 Кор. 7: 1–9).

То есть, как видим, в данном случае перед нами расчленение определённого «стыдного» процесса на естественное начало и на табуированный аспект: соитие не рекомендуется, но разрешается, иначе прекратится род человеческий. Но близость не ради продления рода, а ради наслаждения – грех.

Собственно, и само важное христианское понятие первородного греха часто связывается напрямую с «грехом» интимных желаний. Известный историк XIX века Н. Костомаров отмечал:

Народный благочестивый взгляд шёл в этом случае далее самого учения Церкви, и всякое сближение полов, даже супружеское, называлось грехом: известно, что до сих пор многие из народа толкуют первородный грех Адама и Евы половым сближением, хотя такое толкование давно отвергнуто Церковью. Тем не менее, безбрачная жизнь признаётся самой Церковью выше брачной и семейной.

Хотя суть грехопадения, согласно учению церкви, заключается просто в нарушении послушания Богу, в списке появившихся в результате грехопадения основных грехов интимные желания стоят всегда на первых местах.

Священное + обыденное

Итак, в процессе исторического развития мировая этика развивает две тенденции, выглядящие на первый взгляд как полностью противоположные. Перед нами сложный сплав обыденного, приземлённого восприятия фаллических символов и сохраняющееся в подсознании священное отношение к ним. И что особенно важно для понимания исследуемой темы – восприятие второго типа точно так же приводит к табуированию тех же самых понятий, а нарушение соответствующих табу – к точно такому же ощущению шока. *Превращение священного имени в грубую инвективу не изменяет, таким образом, эмоциональную нагруженность используемого слова.* Моральное требование, внешне выглядящее тем же самым, в разных условиях может трактоваться то как выражение священного, то как выражение обыденного отношения.

Именно это обстоятельство, то есть возможность двойной и противоположной трактовки формально одного и того же морального требования, приводит к поразительно аналогичным результатам: если можно так выразиться, инвективизации средств выражения священно-обыденного.

Ход такого развития, в общем, понятен: взгляд на отношения полов как на священный акт фактически означал очень строгий запрет на противоположный, пренебрежительный или насмешливый взгляд. Инвективное (богохульное) словоупотребление и есть один из вариантов нарушения этого запрета.

Рассмотрим в очень сжатом виде процесс превращения священных понятий в обыденные. Уже отмечалось, что в недрах древнего общества зреет аскетическая оценка взаимоотношения полов. С приближением к нашему времени аскетизм становится активнее. Неудивительно, что в Средние века возникает и пышным цветом расцветает самая изощрённая инвективизация речи. По афористически блестящей формулировке М. М. Бахтина, для Средневековья характерен *«безмерный разрыв между словом и телом»*, когда религия воспевала победу духа над телом, отрицала и поносила тело как нечто противоречащее святым идеалам, мешающее их исполнению. Тело объявлялось «тюрьмой духа».

И естественно, что физическая сторона бытия, лишённая духовности, стала восприниматься как нечто бесконечно грязное и порочное. *Боги плотской радости стали дьяволами похоти.*

Но соответствующее отношение нуждалось в словах, его выражающих. Эти слова должны были, обязаны были противоречить словам официальной идеологии. Так и произошло. Бесплотности неземной, «святой» любви была противопоставлена любовь плотская, которая безоговорочно изгонялась из церкви. Средневековье, как никакая другая эпоха, содействовало разделению понятия «любовь» на два: священное и обыденное.

Существенно, что крепость и количество наиболее резких инвектив издавна находились в прямо пропорциональной зависимости от религиозности народа. У такого очень религиозного народа, как древние евреи, грубые религиозно ориентированные инвективы получили столь широкое распространение и воспринимались столь ярко, что специальными законами за них полагалась смертная казнь.

Для сравнения стоит отметить, что у древних греков, которые были менее религиозны, инвектив было меньше и их сила и изощрённость не могли сравниться с древнееврейскими. Ирландцы же в Новые времена известны своей набожностью. И именно у них сквернословие приняло вот уж поистине гомерические размеры. Знаменитый ирландский сатирик Джонатан Свифт в одном эссе даже саркастически предлагал обложить ирландских сквернословов налогом с целью серьёзно поправить государственные финансы!..

Любовь свободна, мир чаруя

В результате такого взаимодействия священного и обыденного начал в культуре любого народа уживаются карнавальное мироощущение, с его подчёркнутым акцентированием телесного, даже животного начала и поэтическое восприятие мира. Последнее особенно ярко проявилось в Европе в эпоху «куртуазной любви», воспетой трубадурами Прованса в XIII веке.

Можно предположить, что само понятие куртуазной любви развилось и укрепилось как реакция на грубость карнавального восприятия мира. (Подробнее о карнавальном мироощущении смотрите ниже.) Христианская религия не могла не оказать здесь своего влияния.

Но, в сущности, и карнавальное, и куртуазное мироощущения являют собой довольно сходное при ближайшем рассмотрении реагирование на, в общем, одну и ту же ситуацию: невозможность физического контакта и необходимость словесного выражения естественных желаний.

Другое дело, что словесное выражение куртуазной любви может принять форму лирического сонета или нежной серенады: поэт или менестрель, как правило, воспевают божественную красоту своей возлюбленной и страдают от невозможности с ней соединиться. В то же время какой-нибудь балаганный петрушка не стеснялся в выражениях, облекая ту же мысль в форму грубой инвективы или сальной шутки.

Разные социальные слои предпочитают какой-нибудь один вариант. Те, что выбирают карнавальный тип, редко обращаются к поэтическому языку. Иначе говоря, грубиян редко упивается лирической поэзией. И наоборот, воспитанным на лирических стихах редко нравится похабная ругань. Хотя в принципе, конечно, не исключён и симбиоз этих двух форм выражения.

Следующая шутка построена как раз на малой вероятности сочетания в сознании одного человека двух таких тенденций:

На концерте симфонической музыки растроганный слушатель поворачивается к соседу слева:

– Простите, это вы сказали сейчас «Ёб твою мать!»?

– Нет, конечно, что вы!»

Слушатель поворачивается к соседу справа:

– Может быть, тогда это вы сказали «Ёб твою мать!»?

– Нет!

Слушатель в раздумье:

– Странно... Ну что ж, наверно, это мне музыкой навеяло...

Табу бывают разные

Целесообразно разделить все словесные нарушения табу на три группы. К первой группе можно отнести нарушения слабых табу. Речь идёт об осуждении употребления литературно разрешённых слов, которые редко могут выступать как резкие инвективы. Разумеется, при всей их слабости, такие словоупотребления всё же рассматриваются как нарушение приличий.

Вспомним в этой связи приведённую знаменитым философом Б. Расселом триаду: «I am firm – you are obstinate – he is pig-headed», то есть что-то вроде «Я твёрд в своих убеждениях – ты упрям – он тупоголовый осёл». Все три высказывания выражают одну и ту же мысль, но как же по-разному! Себе мы, как правило, нравимся, к собеседнику, если не ссоримся, снисходительны, к отсутствующему знакомому можем себе позволить бесцеремонную оценку. Таких триад можно себе представить сколько угодно: я стройная – ты худощавая – она сущий скелет; я человек свободных взглядов – ты сексуально неразборчива, она – просто шлюха.

Вторую группу образуют резкие, грубые инвективы, нарушающие сильные табу. Ругатель прибегает к ним чаще всего тогда, когда у него появляется необходимость в основательной разрядке эмоционального напряжения. Таков русский мат. Сюда же можно отнести употребление грубых слов в качестве несильных вульгарных восклицаний. Слово «Блядь!» может быть очень оскорбительным, будучи обращено к конкретному человеку во время ссоры, и звучать довольно нейтрально в дружеском разговоре («Я сегодня так, блядь, устал, что едва до дома дошёл!»).

Именно эта группа и является предметом особого внимания в настоящем исследовании. Она наиболее велика по объёму в большинстве национальных культур.

К третьей же группе относятся немногочисленные словоупотребления, нарушающие настолько сильные запреты, что сам факт их нарушения – явление экстраординарное, почти недопустимое. Ярким признаком соответствующих инвектив является единодушное мнение коллектива, что употребляющий подобные слова сам заслуживает презрения, так как, произнося их, унижает самого себя. Произношение подобных слов осуждается, как правило, даже завзятыми сквернословыми. В русском и многих других языках самым непристойным словом всего национального словаря считается грубое наименование женских гениталий.

Естественно, что конкретная инвектива в одних социальных слоях может быть отнесена к слабым, в других – к наиболее резким и недопустимым выражениям.

«Выругался – и полегчало»

Прежде всего нам надо разобраться в понятии «карнавального мироощущения», разработанного великим учёным Михаилом Михайловичем Бахтиным. Сразу оговоримся, что этот термин не имеет в виду обязательно карнавал как таковой, то есть весёлый праздник, гуляние и тому подобные. «Карнавализация жизни», по Бахтину, это ещё и всевозможные праздники, маскарады, розыгрыши, шутовство, но также громкий скандал, перебранка, ссора. И не в последнюю очередь – это обращение к инвективной, резко сниженной лексике.

В самом кратком виде сущность карнавального мироощущения можно изложить следующим образом. Очевидно, что жизненный цикл человека представляет собой сплав священного и обыденного начал. Постоянные и вечные будни невыносимы, работа, работа, ничего, кроме работы 365 дней в году – так можно с ума сойти или даже умереть. *Установленный стереотип монотонного труда должен время от времени обязательно ломаться.* И тут дело даже не только в том, что мы устаём, это само собой. В данном случае ломка стереотипов сама представляет собой своеобразный стереотип. В выходные дни хочется заниматься совсем не тем, чем мы были заняты в будни: поехать на рыбалку, отправиться в путешествие, встретиться с друзьями, да хоть просто поваляться на диване. Нет-нет, наша работа нам по-прежнему мила, но, как поёт Виктор Цой, «мы ждём перемен», «перемен требуют наши сердца».

И в результате ломки монотонного стереотипа будней устанавливаются связи особого типа. В основе их лежит отступление от социальных правил и норм, даже в какой-то степени моральных, этических. Такая модель поведения как способ разрядки отмечается историками, этнографами, исследователями практически всех национальных культур. Так что никакого криминала тут нет. Даёшь карнавал!

Перед участниками карнавального действия открываются возможности фамильярного обращения с самыми священными понятиями и нормами, принятыми в коллективе. В обстановке такого действия в контакт могут вступать абсолютно несочетаемые предметы и символы; самые почитаемые вещи и явления могут оказаться в шокирующем соседстве с самыми обыденными и низменными. В результате нарушаются строгие, обязательные для некарнавальных будней запреты, в том числе – и не в последнюю очередь – запреты на употребление определённых слов.

Фактически карнавал создал свой собственный язык, построенный на опрокинутых стандартах будничного словоупотребления. В нашем случае это означает, что на время карнавала снимаются все цензурные ограничения на употребление богохульств, упоминание сексуальных функций человека и отходах его жизнедеятельности.

В это трудно поверить, но есть сведения, что во время карнавала (только во время карнавала!!!) в Западной Европе епископ с амвона мог отпускать похабные шуточки в адрес любых священных персонажей. Но в первый же послекарнавальный день о чём-то подобном страшно было даже помыслить. *Оковы постоянного благочестия становятся крепче, если их время от времени снимать.*

Потребность человека в подобном карнавальном клапане исключительно велика и продолжает увеличиваться. Имеются экспериментальные клинические данные, согласно которым невозможность или неспособность выразить овладевшие человеком чувства могут мешать ясности мышления, ухудшать межперсональные отношения и даже приводить к психологическим расстройствам. Некоторые психологи говорят в таких случаях о «направленном внутрь взрыве», вроде взрывчатки, заложенной в дом, предназначенный для уничтожения.

В данном случае неважно, например, заслуживает ли какое-то препятствие вашей бурной реакции. Облегчение наступит, если вы увидели, что «обидчик наказан». Не обязательно его стукнуть, иногда такое «наказание» может выглядеть как обзывание конкретного человека,

а иногда как чертыхание, когда вы уронили тарелку с супом. Другими словами, ощущение «выругался – и полегчало» достаточно обосновано психологически. Ниже об этом подробнее.

Когда зрителей не бывает

Вот ещё что важно: карнавальное мироощущение создаёт особую атмосферу всеобщей вовлечённости. Это значит, что в любом варианте карнавального общения – например, в праздничном карнавале, обряде вызывания дождя или деревенской свадьбе – принципиально не может быть деления на участников и зрителей, в карнавальном действе участвуют абсолютно все присутствующие.

Так вот именно такое положение наблюдается и в процессе развёртывания шумного скандала или ссоры, сопровождающейся грубыми оскорблениями. Вы оказываетесь в центре эмоционального возбуждения, даже если вы только присутствуете при взаимном оскорблении двух враждующих сторон.

Строго говоря, в этом и заключается основное отличие инвективы в узком смысле слова, то есть инвективы, осуществлённой запрещёнными средствами, от любого другого словесного агрессивного действия. Дело, таким образом, не столько в запрещённом характере употребляемых средств, сколько в создании (с помощью этих средств) особой эмоциональной атмосферы. Остановимся здесь чуть подробнее, это очень важно.

В результате взламывания социальных табу с помощью грубой лексики ругатель и его оппонент обнаруживают себя в атмосфере погранной гармонии окружающего мира. Ну как если бы в вашем присутствии в спокойную гладь пруда кто-то швырнул огромный кусок зловонной грязи. Только что всё было хорошо и мирно, и вдруг – БАХ! и вы присутствуете при серьёзном нарушении норм, которые сами обычно признаёте.

Обратим внимание на то, что не только оскорбляемый, но и оскорбляющий ощущают при этом некоторое утешение.

Вот вам ещё один важный тезис, к которому стоит прислушаться: «самоутешение» ругателя – один из самых характерных параметров инвективного общения.

Дело в том, что оскорбление будет воспринято как таковое только при одном условии: оба говорящих должны разделять взгляд на нарушение того или иного табу. Если индеец племени мохави скажет белому собеседнику «Шурин!» или «Зять!», белый может принять это обращение за вежливое поименование типа русского «Дяденька!»; между тем, мохави имел в виду тяжёлое оскорбление с сексуальным подтекстом. Иностранец и мохави оказались как бы в разных ситуациях, и обиды не получилось.

Известны многочисленные анекдоты, где невинные девушки-гимназистки видят написанные на заборе непристойные слова, которые им неизвестны и которые они потом охотно повторяют в приличном обществе. Совершенно очевидно, что для человека, который не знает значения инвективы, она как инвектива просто не существует.

Вот забавная история, якобы происшедшая с юными дочерьми императора Александра Третьего. За её подлинность ручаться трудно, но для нашей темы она очень показательна. За обедом, на котором присутствовали сам император, его дочери и их воспитатель, известный филолог, девочки спросили:

– Папá, мы сегодня, когда ехали в карете, увидели на заборе слово «хуй».

Что оно значит?

Папаша, сам завзятый матерщинник, заржал и обратился к воспитателю:

– Ты филолог, вот и объясни им!

Учёный языковед быстро нашёлся:

– Это повелительное наклонение от слова «ховать». Сравните: совать – суй, ховать – ...

Папа́ долго хохотал, потом вынул из кармана золотой портсигар и протянул его воспитателю:

– Хуй в карман!...

Поверим, что воспитатели царских дочерей и в самом деле сумели уберечь их от знания непристойных слов. Однако вернёмся к более близкой нам ситуации, когда некто намеренно оскорбляет оппонента. Очевидно, что ругатель, выкрикивая своё оскорбление, как бы примеряет его на себя, сознавая опасность нарушения такого сильного табу. В известном смысле он отождествляет себя со своей жертвой: в этот момент они оба находятся в осквернённом пространстве инвективного общения.

Можно представить себе инвективу в виде бесформенного мятущегося между собеседниками отравленного облака, которое необходимо скорее оттолкнуть от себя и направить в сторону противника. Если подобное удалось, говорящий испытывает облегчение, а его оппонент, соответственно, выступает пострадавшей стороной.

Разумеется, это не относится к случаю, когда инвектива превращается в обычное грубое восклицание «в воздух». В таком случае об утрашении кого бы то ни было говорить не приходится, хотя и здесь может сохраниться некоторое слабое ощущение неправомерности такого способа общения. И это ощущение тем сильнее, чем явственнее осознание говорящими факта нарушения нормы.

Ну, а там, где говорящие считают непристойную лексику нормой, карнавальное мироощущение исчезает.

От святого к непристойному

Из сказанного выше читатель уже понял, что «приземление» окружающей действительности с помощью инвективы, с одной стороны, вредит, а с другой – содействует процветанию священного начала.

Дело в том, что карнавальное действо любого рода помогает утверждать ряд вечных и незыблемых истин. Карнавализация помогает лучше понять основные проблемы «нормальной», некарнавальной жизни. Это как свет и тень: одно просто не может существовать без другого. Хочешь света – мирись с тенью. Познать, что такое добро, можно только познав зло.

Хороший пример – выбор «короля шутов» на средневековом карнавале, когда на время праздника народ избирает «королём» самого грязного и оборванного нищего. Ему воздают королевские почести, разрешают самое разнузданное поведение, чтобы таким образом оттенить величие подлинной королевской власти. Праздник закончился, и «король» возвращается в своё прежнее жалкое существование.

Понятия «король» и «нищий» при таком раскладе подсознательно сливаются в единое понятие, не разделяемое на священную и обыденную составляющие.

Объяснение этому феномену видится в следующем. В жизни общества очень рано возникает понятие «божественного» и «святого», а значит – неприкасаемого, даже опасного: во всех религиях божество не только милосердно, но и грозно. Пусть по разным причинам, но остерегаться стоит не только демонов, но и Бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.